

Максим Горький

Нищенка

Максим Горький

Нищенка

«Public Domain»

1893

Горький М.

Нищенка / М. Горький — «Public Domain», 1893

Впервые напечатано в газете «Волгарь», 1893, номер 259, 31 октября. Первый рассказ из серии «Маленькие истории», печатавшейся в нижегородской газете «Волгарь» осенью-зимой 1893–1894 года. В собрания сочинений рассказ не включался. Печатается по тексту газеты «Волгарь».

Содержание

Нищенка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Нищенка

– Теперь я пойду прогуляться! – вслух произнёс Павел Андреевич, бросил перо, зевнул, вытянулся в кресле и меланхолично засвистал.

Ему хорошо поработалось, он чувствовал себя бодрым и довольным. Завтра он скажет в суде две пустяковые речи, затем выступит ещё два раза – и сессия кончена.

Можно будет взять маленький отпуск и поехать в Крым посмотреть на ласковое море и знойное южное небо... У него есть уже репутация талантливого оратора и хорошего законоведа; он вправе ожидать в близком будущем назначения в прокуроры, и жизнь ему не кажется ни утомительной, ни дурной; она скучна, если смотреть на неё слишком пристально, но зачем же нужно именно так смотреть? Едва ли что-нибудь, кроме миллиона терзаний, даст такое отношение к ней, к этой жизни, которую так много раз пытались разгадать и не разгадали; и едва ли разгадают когда-либо...

«Наша жизнь вся сполна нам судьбой суждена!» – незаметно для себя сбился Павел Андреевич на философию Ламбертуцио и, просвистав опереточный куплет в неподходяще минорном тоне, улыбнулся, снова зевнул и, встав с кресла, крикнул:

– Ефим!

Затем умеренно самодовольно оглянулся вокруг себя.

Его рабочая комната, обставленная комфортабельной мебелью без бьющего на эффект шика, а с солидной красотой и удобством, теперь богато залитая молодым ярким солнцем последних дней апреля, смотрела на него своими стенами и украшениями так ласково и светло, что ещё более усиливала в нём хорошее, тёплое ощущение сладости бытия.

– Ефим! – снова позвал он.

– Я здесь!

Из-за тяжёлой коричневой портьеры, пышными складками закрывавшей дверь, высунулась пушистая седая голова, и на Павла Андреевича выразительно уставилась пара добрых старческих глаз, тонувших в кудрявой серебряной бахrome бороды и бровей.

– Иду гулять, братец; часам к семи приготовь самовар. Больше ничего.

– А ежели кто спрашивать вас будет?

– Скоро приду. Но некому.

– А может, гости придут?

– Ну, какие же к нам с тобой ходят гости, Ефим?

– Точно, что не ходят!

– Так что же ты спрашиваешь?

– А для порядку. Это уж так всегда в хороших домах лакей спрашивает у бар, коли они изволят куда отлучаться.

– Ага, вот что! – И, добродушно-скептически улыбнувшись, Павел Андреевич надел пальто и вышел на улицу.

Чисто выметенная и ещё сырая от недавно стаявшего снега улица была пустынна, но красива выдержанной и немного тяжёлой красотой. Большие белые дома с лепными украшениями по карнизам и в простенках между окнами, окрашенные в тонко розоватый оттенок весенними лучами заходящего солнца, смотрели на свет божий философски сосредоточенно и важно. Стаявший снег смыл с них пыль, и они стояли почти вплоть друг к другу такими чистыми, свежими, сытыми. И небо сияло над ними так же солидно, светло и довольно.

Павел Андреевич шёл и, чувствуя себя в полной гармонии с окружающим, лениво думал о том, как хорошо можно жить, если не требовать от жизни многого, и как самонадеянны и глупы те люди, которые, обладая грошами, требуют себе от жизни на рубли. Странное племя! Жизнь учит их и учит так жестоко, а они всё-таки продолжают бесноваться, не умея найти себе

надлежащей точки опоры, не умея привести свои способности в гармонию с своими желаниями...

Думая так, механически и безмятежно, он не заметил, как вышел на набережную улицу.

Перед ним внизу стояло целое море воды, холодно блестящей в лучах солнца, далеко на горизонте медленно опускавшегося в неё. Река, как и отражённое в ней небо, была торжественно покойна. Ни волн, ни частой сети ряби не видно было на её полированно-холодной поверхности. Широко размахнувшись, она, точно утомлённая этим размахом, покойно уснула. А на ней томно таяла пурпурно-золотая бархатная полоса лучей заката. Далеко, уже окутанная сизой дымкой вечера, виднелась узкая лента земли, отделяя воду от неба, безоблачного и пустынного, как и накрытая им река... Хорошо бы плыть свободной птицей между ними, мощно рассекая крылом синий свежий воздух!..

– Голубчик, барин! Хри-ста ради, копеечку на хлеб пожалуйте! Работы нет, целый день не евши... Истомились... Ваше благородие, будь милостив бога для!..

Павел Андреевич вздрогнул и обернулся.

Поющие голоса – надтреснутый тенор и хриплый безнадёжный баритон – без пауз рвали воздух и резали уши Павла Андреевича.

Перед ним стояли двое – парень лет под двадцать, с топором в руке и с рваной шапкой в другой, в женской кацавейке с торчащей из многочисленных дыр грязной ватой, и мужик лет пятидесяти, в полушубке, в лаптях, с коричневым грязным картузом, засунутым за пояс. На лице парня, землистом, голодном и сухом, застыла жалобно-жадная мина, он ухитрился выразить вместе ожидание подачи и просительное подобострастие. Мужик, всё лицо которого было завешено упавшими на лоб жёсткими волосами и сваленной в жгут бородой, упорно смотрел в землю и безнадёжно гудел, как-то лениво вытягивая из себя звуки. Парень же пел свою просьбу быстрым речитативом, точно боясь, что не дослушают его и не успеет он достаточно высказать все причины, которые заставили его нищенствовать.

– Будет! – громко и недовольно сказал Павел Андреевич и быстро опустил руку в карман.

Но тут случилось нечто странное, ошеломившее его чуть не до потери сознания.

– Барин, миленький! Не давай им!.. не давай!.. Они уж тридцать пять копеек набрали... Ишь, жадёры!.. Баринушка, мне!!.. Голубчик, подай маленькой девочке на хлеб, Христа ради!..

Павел Андреевич почувствовал, что кто-то крепко вцепился в его руку, опущенную в карман, вцепился, тормозит её и звонким дискантом воет жалкие и в то же время страстно просительные слова.

Это был какой-то маленький грязный живой комок, голова его глубоко воткнулась в складки шинели Павла Андреевича, и этот комок так быстро, точно выюн, кружился и извивался на одном месте, что положительно не было возможности подробно рассмотреть, что это такое... Три голоса наперебой ныли и оглушали его, вызывая в нём острое раздражение.

– Молчать! Пошли прочь! – крикнул он.

Но его властный окрик мало подействовал.

– Эх, барин! – глубоким вздохом возгласил баритон, извлекая этот возглас из самых недр своего нутра.

– Кормилец ты наш! – подхватил высоко и колоратурно тенор.

– Врут они, баринушка, не верь! Они уж тридцать пять копеек собрали!.. А вот как ко всенощной ударят, на паперть пойдут, там ещё с эстолько награбастают...

Жадёры окаянные!..

– Прочь, говорю!.. – ещё раз зычно гаркнул Павел Андреевич, крепко выругался и тотчас же смущённо оглянулся.

Но набережная была пуста, и никто не мог видеть его раздражения. Тогда сильным движением он оторвал от своей шинели впившийся в неё цепкий комок и поднял его рукой до

своего лица... Но тут же, поражённый, быстро опустил руку, отчего существо, бывшее в ней, покатилося на тротуар, всё-таки не переставая просить звенящим тонким дискантом.

Павел Андреевич закрыл на секунду глаза, глубоко вздохнул, сунул в одну из простёртых к нему рук какую-то мелочь и, замахав рукой в ответ на благодарные пожелания, звучавшие как-то странно-тоскливо и вымученно, – наклонился над запутавшимся в лохмотьях существом как раз в то время, когда оно, точно резиновый мяч, отскочило от мостовой, причём груды навешанной на нём грязной рвани, встряхнутая быстрым движением, сделала его похожей на уродливую большую ночную бабочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.